

ВЕЧЕРНИЕ БЕСЕДЫ: ДОБРОЕ ИМЯ МОСКВИЧА

Г. В. Александров

ИСКУССТВО БЫТЬ КИНОЗРИТЕЛЕМ

ВРЯД ли найдется в наши дни человек, равнодушный к кино. Но всегда ли мы правильно оцениваем фильм, проникаем в замысел его создателей? Умеем различать особенности творческого почерка того или иного режиссера? Сегодня беседу об искусстве быть кинозрителем ведет известный кинорежиссер, народный артист СССР ГРИГОРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ АЛЕКСАНДРОВ.

ИСКУССТВО быть кинозрителем...

Нет ли в этих словах какой-то ошибки, смешения понятий?

На первый взгляд — есть. Ведь если даже разделить все человечество, как предлагал один шутник, на две части — людей, снимающих кино, и тех, которые это самое кино смотрят, — как будто для всех очевидно, что искусство требуется именно от первых.

А позиция зрителя в данном отношении, конечно, на редкость проста и завидна.

В самом деле, что «обязан» делать зритель в кино?

Право, легче перечислить то, чего он делать не должен. Так, очень нежелательно, чтобы он, если ему фильм и не нравится, вставал посреди сеанса, громко хлопнув откидным сиденьем, и, сердито наступая на ноги соседям по ряду, направлялся к выходу.

Зритель не должен выражать свои мысли на весь зал. Ведь как бы ни был увлекателен тот или иной эпизод, возглас: «Вот это да!», свист — одобрительный или порицающий — ровно ничего к фильму не прибавят.

Не следует, видимо, жевать даже самую вкусную конфету на сеансе, шуршать бумажками, шептаться с соседями или соседками. Право, для объяснений в чувствах такие места, как набережные или аллеи в парках, больше подходят, чем залы кинотеатров.

Но можно ли утверждать, что искусство быть кинозрителем этим и исчерпывается?

Разумеется, нет. Самое важное, чтобы идея, строй чувств и мыслей, образов фильма оказались по-настоящему ясны зрителю. Как это мало, если зритель только следит за поворотами сюжета, либо оживляется при виде популярного актера, либо смеется неожиданным трюком! Быть может, вы от души хотите при виде удивительных приключений троицы бездельников в эксцентрических комедиях Леонида Гайдая. Но разве ими исчерпывается все содержание этих веселых, умных, поучительных — без назидательности — кинофильмов? И все-таки, несмотря на то, что идея в этих лентах куда легче «читается», чем в сложных, философских фильмах, например, таких, как «Девять дней одного года» Михаила Ромма, даже и в этих комедиях не всегда бывает все ясно иным зрителям...

Вероятно, происходит это от привычки относиться к кино в первую очередь как к развлечению. Честно говоря, когда я иду в кино, меньше всего меня, кинематографиста-профессионала, одолевают профессиональные заботы. Конечно, мне очень не хочется, чтобы в фильме было видно, как он сделан. Скучно ведь сидеть и угадывать: а сейчас произойдет такое-то событие (и оно с удивительной правильностью происходит), а сейчас будет крупный план, а сейчас — панорама... Как зритель, я больше всего благодарен тем режиссерам и

актерам, которые заставляют меня забыть о приемах техники, режиссуры, актерской игры.

И — вспомнить о них, когда я приду домой. Когда, перебирая в памяти эпизоды, обсуждая их с друзьями, я отчетливо, во всем объеме пойму творческий замысел автора.

Это вовсе не просто. Кинозрители старшего и среднего поколений, без сомнения, отчетливо ощущают, насколько сложнее стали сейчас произведения киноискусства. Дело не в сюжете: сюжеты и прежде бывали таковы, что иной раз волосы дыбом вставали. На всю жизнь мне запомнился первый мой киносеанс. Мне, шестилетнему, разрешили посмотреть некую западную фантазмагорию, главный герой которой был невидим. На экране появлялись только его руки из-за занавесок. Придя домой, я сорвал в страхе все занавески в своей комнате — чтобы там не спрятались зловещий персонаж... Ценность подобной «занимательности» более чем сомнительна. Арсенал средств современного кинематографа (разумеется, у лучших его представителей) — в другом. Цель режиссера — пробудить мысль, чувство зрителя. Обращение к разуму человека — вот направленность таких прекрасных фильмов, как «Ленин в Польше» Сергея Юткевича, «Обыкновенный фашизм» М. Ромма.

Это — суровые, правдивые, трудные вещи. Мы живем в мире, где далеко не все благополучно. В мире, будущее которого зависит от каждого из нас. Мера ответственности человека за будущее — вот в чем идея этих, таких разных произведений. Должен сказать, что сейчас на Западе существует убеждение, будто обращаться надо к чувству, а не к мысли зрителя. Разум не помещал войнам. Отсюда — разговор о разобщенности людей.

Советские кинематографисты такую позицию отвергают, она чужда им. Мы верим в разум человека и в его добрую волю. Дело не в разьединении разума и чувства, а в их объединении, ибо они взаимно связаны и неразделимы. Жизнеутверждение — вот пафос нашего искусства. Мы строим новый мир, и задача деятелей искусства — помогать воспитанию человека, все духовные способности которого, и в том числе способность понимать искусство, гармонически развиты.

Хотелось бы поговорить о месте актера в фильме.

В газетах не так давно прошла своеобразная «дискуссия» по одному очень слабому зарубежному фильму, все достоинства которого заключались в красоте исполнительницы

главной роли. И некоторые зрители бросились... защищать фильм от критиков. Кстати, и во время только что закончившегося Московского кинофестиваля, где были представлены — особенно внеконкурсные — фильмы очень разного уровня, — зрители подчас ошибались в оценке той или иной работы. Так вот, если уж на то пошло, в глазах режиссера, — разумеется, настоящего деятеля искусства, а не холодного ремесленника, — самый суровый, строгий критик — больший друг, чем те, кто не видит в лакированной подделке просто умение эффектно снять стройную фигуру или симпатичное лицо актрисы.

— Значит, вы против популярности актеров? — могут меня спросить.

Нет, конечно. Я считаю, что участие популярного артиста в фильме — это удача: ведь уже одно его имя привлекает зрителей.

Но хотелось бы, чтобы зрители, уже привыкшие к звучным именам, были внутренне подготовлены к появлению новых артистов.

По словам Станиславского, режиссер умирает в актерах; очевидно, и в фильме мастерство режиссера должно «умереть» в искусстве исполнителей, оператора, художника... Однако человек подготовленный, безусловно, сумеет не просто отличить хорошую картину от плохой, но и определить, в чем заслуга того или иного «соавтора» фильма.

— Все это хорошо, — могут мне возразить, — но где и как овладеть этим искусством — смотреть и понимать фильмы? Ведь нельзя же всем зрителям закончить киноведческий факультет ВГИКа!

Действительно, нельзя. И не нужно. Вопросам кинематографии посвящены журналы, обширная литература, в том числе — популярная.

Не менее полезно для развития вкуса и участие в деятельности дискуссионных клубов кинозрителей. Сколько здесь бывает интересных споров, встреч с деятелями искусства! Жаль только, что клубов этих мало, и принимают в них, главным образом, молодежь. А почему бы не организовать их в новых кинотеатрах на окраинах, где такие просторные, удобные фойе, или в заводских клубах?

Богат, обширен духовный мир советского человека. Способность глубоко ценить произведения искусства сделает его еще богаче. И, конечно, будет способствовать доброму мнению о тех, чей вкус, чье понимание искусства по-настоящему современны.